

Глава 62. Зеркало 10

Лу Хуэй открыл глаза в спальне, а не на диване — поэтому не сразу увидел дату.

Он не стал торопиться выходить, а развернулся и открыл тумбочку. Заглянул в ящик, но записки с датой там по-прежнему не было.

Значит...

В [28 мая] наверняка есть что-то ещё.

Может быть, это связано с дальнейшей историей?

Лу Хуэй выдвинул ящик до конца — и из него выпорхнула записка. На ней снова было то же самое, словно скопированное:

[НЕ СМОТРИ В ЗЕРКАЛО!!!]

Лу Хуэй положил записку на тумбочку и тихо сказал:

— Спасибо.

Хотя он не знал, что именно пережил его восьмилетний «я», но и так было понятно, что наверняка пришлось пройти через немало трудностей.

И уж тем более восьмилетний он, скорее всего, был совершенно растерян, когда его «затащили» сюда.

Хорошо хоть, что он есть — благодаря ему сложность этого инстанса резко снизилась.

Лу Хуэй поднялся, собрался открыть дверь — и вдруг насторожился.

Он инстинктивно отступил на полшага назад и в этот момент дверь открылась. На пороге стоял Мин Чжаолинь.

Он всё также был одет в боевую форму, но волосы были распущены.

Лу Хуэй спросил его:

— Мы уже в тридцать первом мая?

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь. Его миндалевидные глаза с любопытством смотрели на Лу Хуэя. Когда он опускал ресницы, в его взгляде появлялось что-то оценочное, давящее и отдающее скрытой угрозой:

— Сегодня действительно тридцать первое мая. Часы показывают время... Но что ты имеешь в виду, говоря «мы уже в тридцать первом мая»?

— Это не твой первый день?

Лу Хуэй: «.....»

Он замер на секунду, а потом до крайности обескураженно сказал:

— Мин Чжаолинь, тебе каждый раз нужно так делать?

Мин Чжаолинь склонил голову:

— Судя, по твоим словам, «я» прошёл с тобой не один раз?

Лу Хуэй: «.....»

Любой другой человек его бы, возможно, и провёл, заставив усомниться в себе. Лу Хуэй закатил глаза и толкнул его, давая понять, чтобы тот убирался с дороги:

— Развлекайся сам. Мне нужно посмотреть, какие «товарищи» в тридцать первом.

Мин Чжаолинь тихо цокнул языком и последовал за ним:

— Как ты понял?

Лу Хуэй обернулся и усмехнулся. Его раскосые глаза смотрели вызывающе, и даже две родинки под правым глазом не смягчали этого выражения — наоборот, вызвали раздражение:

— Угадай.

Как он узнал?

Разве это не очевидно?

Мин Чжаолинь — человек без прошлого. Человек, который не знает страха, не испытывает ужаса и не сомневается в себе.

Ведь он — «бог», которого создал Лу Хуэй.

Мин Чжаолинь смотрел на него и вдруг почувствовал сильное желание стереть с его лица это выражение.

Захотелось увидеть, как он нахмурится, как его глаза покраснеют от нехватки воздуха, как в них наберётся влага, которая рано или поздно скатится по щекам...

Мин Чжаолинь невольно прикусил кончик языка острыми зубами. Он не почувствовал боли — и лишь когда во рту распространился металлический привкус крови, понял, что прокусил губу.

А Лу Хуэй тем временем уже дошёл до гостинной.

Мин Чжаолинь наблюдал, как он снял часы и уже собрался их разобрать, как вдруг замер.

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь:

— Что случилось?

— ...Часы идут, но стекла циферблата нет.

Лу Хуэй посмотрел на Мин Чжаолиня и вдруг словно что-то понял:

— Круглые часы тоже идут, но у них есть стекло циферблата. А разбивать зеркала — значит переходить на следующую дату. Я считаю, что переход по датам неизбежен, поэтому сама фраза [НЕ РАЗБИВАЙ ЗЕРКАЛО] не имеет никакого смысла.

Разобрать зеркало — всё равно что разбить. Если бы это был восьмилетний он, он бы обязательно обратил в это внимание и решил, что любое разрушение зеркала, значит «разбить зеркало».

Тот он определённо много думал... слишком много.

Лу Хуэй пробормотал:

— Может быть, это не [НЕ РАЗБИВАЙ ЗЕРКАЛО], а [НЕ РАЗБИРАЙ ЗЕРКАЛО]? Потому что [НЕ РАЗБИРАЙ ЗЕРКАЛО] слишком конкретно, и восьмилетнего меня заставили заменить слово... или босс, с которым играл восьмилетний я, сам изменил формулировку?

У Лу Хуэя были причины сразу подумать о [НЕ РАЗБИРАЙ ЗЕРКАЛО].

Потому что это наверняка связано с зеркалом. Но настоящее зеркало сейчас только одно — и все подсказки, связанные с ним, уже известны. У него было ещё пара догадок, но Лу Хуэй не верил, что восьмилетний он мог подумать, будто будущий он не догадается. Разве что босс сказал ему, что он помогает не будущему себе — но это явно невозможно, потому что восьмилетний он выбрал синий цвет. И синий именно в третьей записке.

Если подсказки крутятся вокруг зеркала, то что ещё может быть?

Первое, что пришло Лу Хуэю в голову, — часы. Слишком надёжно спрятанные и слишком необычные.

Ведь их поверхность тоже называют стеклом, как когда-то объяснял ему отец.

Эти круглые часы показывают дату, сообщают им о дате, а внутри застрял ключ. Этот ключ находится внутри, но совершенно не мешает стрелкам двигаться — и его даже можно прихватить с собой из предыдущего зеркального мира.

Лу Хуэй всё же разобрал часы. Он смотрел на третий ключ и размышлял.

Если он его возьмёт, у него в кармане будет уже три ключа. Это значит, что он побывал в трёх зеркальных мирах...

Как это повлияет на дальнейшее развитие событий?

Ключи...

Ключи нужны, чтобы открывать замки.

Неужели впереди есть какой-то замок, который можно открыть только один раз?

Лу Хуэй извлёк ключ.

Под пристальным взглядом Мин Чжаолия Лу Хуэй всё же спрятал ключ в карман.

Мин Чжаолия мгновенно раскусил его план. По губам скользнула усмешка, в которой смешались азарт и скрытый вызов:

— А-Мань, если однажды ты умрёшь, я очень сильно расстроюсь.

Лу Хуэй: «.....»

Он искренне бросил:

— Спасибо.

То, что Мин Чжаолия так сказал, означало, что, скорее всего, он больше не будет рубить всех направо и налево при входе в инстанс. И... что он способен испытывать человеческие чувства — раз уж дошёл до такого.

Лу Хуэй опустил глаза, всё ещё находя это абсурдным.

Мин Чжаолия... обрёл чувства из-за него.

Что-то новенькое. И в то же время странное...

Лу Хуэй невозмутимо прижал дрожащую руку, делая вид, что ничего не происходит:

— А наши товарищи?

Мин Чжаолия, казалось, ничего не заметил, лишь кивнул в сторону лестницы.

Все четверо наверху?

В Маджонг играют?

Лу Хуэй сразу поднялся.

Наверху он увидел Хэ Чжи и Ван Лихая — те перебирали книги в кабинете. Лу Хуэй замер на секунду и сразу понял, что это точно не настоящие Хэ Чжи и Ван Лихай.

Рядом с ними стоял ещё один незнакомый игрок. Увидев Лу Хуэя, тот опешил, и уже собрался

нервно что-то спросить, но, заметив неторопливо появившегося за спиной Лу Хуэя Мин Чжаолия, потерял остатки смелости и чуть в обморок не грохнулся.

Он! Вот же не повезло! Почему именно Мин Чжаолия?!

Именно так на него и реагировали — потому что в инстансах он убивал всех без разбора. Кто его раздражал — тот получал кулаком в лицо и замолкал навсегда. А от его удара... выживал только тот, у кого крепкие кости.

Лу Хуэй мельком окинул взглядом дрожащего игрока и примерно определил, что это настоящий игрок.

Он тихо спросил Мин Чжаолия:

— А ещё один где?

Говорил он шёпотом, так что трое других не слышали, но Мин Чжаолия слышал отчётливо.

Тот приподнял бровь, опустил глаза и посмотрел на Лу Хуэя, загородившего ему дорогу.

Мин Чжаолия давно заметил, что у Цзюнь Чаоманя была привычка, разговаривая с кем-то, слегка поворачивался в сторону собеседника. Даже если он не смотрел на человека, его тело произвольно разворачивалось в его сторону.

И в этом движении... была некая элегантность.

— ...Вэнь Юаньшуй.

Мин Чжаолия спокойно ответил:

— В соседней комнате. Услышал нас — и спрятался.

Он не стал понижать голос, поэтому Хэ Чжи с Ван Лихаем тоже заметили их. Но не испугались, наоборот, поздоровались. А Хэ Чжи даже вздохнул:

— Книг слишком много. Искать подсказки — сплошная головная боль.

Лу Хуэй улыбнулся и перешёл на тон служащих интернет-магазинов:

— Удачи, дорогой!

И тут же направился к Вэнь Юаньшую.

Похоже, и Вэнь Юаньшуй тоже не двойник.

Повезло — хотя бы не придётся снова объяснять текущую ситуацию.

Вэнь Юаньшуй слышал слова Мин Чжаолиня, поэтому Лу Хуэю не пришлось стучать — тот сам открыл дверь со вздохом, и вымученно улыбнулся... но Лу Хуэй остановил его жестом:

— Нет нужды в лицемерии. Я буду говорить прямо.

И продолжил:

— Свяжись с соседями. Если сегодня вечером после новостей ничего не случится — завтра переходим.

Вэнь Юаньшуй удивившись:

— А... понял.

Он-то думал, что Лу Хуэй хочет дождаться новостей первого июня:

— Логично. Пойдём.

Лу Хуэй:

— Подожди секунду.

Эта «секунда» означала, что Мин Чжаолинь двумя рубящими ударами оглушает тех двоих. Лу Хуэй же тем временем одарил незнакомца обаятельной улыбкой:

— Ты тоже перескочил на сегодня? Мы тоже. Эти двое — зеркальные двойники... Ты в курсе?

Игрок выдохнул с облегчением:

— Да... Я знаю.

И добавил:

— Это мой второй переход.

Лу Хуэй почувствовал проблеск надежды:

— А в прошлый раз какая дата была?

— ...Тридцатое мая. Мы с товарищем хотели проверить, как распределяются игроки при переходе по датам. Действует ли то же правило, что и при входе в инстанс — если есть физический контакт, остаёшься вместе. Но результат...

Раз Мин Чжаолинь не собирался его оглушать, игрок успокоился. На самом деле, если не считать двойников с изменённым характером, которые обычно были прошлыми, ещё не созревшими версиями себя, большинство игроков, участвующих в квалификации на повышение, довольно спокойны, уравновешены и обладают определённой силой. Лишь малая часть идёт «попробовать».

Он продолжил, сначала представившись:

— Хотя завтра нас, возможно, уже не будет, всё равно представлюсь.

Игрок сказал:

— Меня зовут Люй Цинмин.

— Всё что я знаю на данный момент, так это, что каждую ночь примерно в четыре сорок появляются новости. Можно связаться с соседями. Вместе у нас будет ровно шесть настоящих игроков, остальные — двойники. Ещё мне кажется, что двойники 28-го числа отличаются от последующих.

У двойников от 28-го числа «есть» воспоминания о будущем — то есть «я помню», но если копнуть глубже — их нет. И они считают себя настоящими, не задумываясь, если их не спросить.

Этот игрок, Люй Цинмин, оказался умнее, чем ожидал Лу Хуэй:

— И ещё, переход по датам, кажется, считается от текущего дня. То есть если разбить зеркало на второй день двадцать восьмого — перейдёшь в двадцать девятое. Если разбить зеркало на третий день двадцать девятого — попадёшь в тридцать первое.

Лу Хуэй щёлкнул пальцами:

— Ты говоришь, пришёл с тридцатого — значит, видел новости тридцатого числа?

Сами-то они видели только новости 28-го и 29-го.

Люй Цинмин кивнул и без колебаний поделился информацией с Лу Хуэем.

Неужели это не шутка? Мин Чжаолин, Вэнь Юаньшуй... и ещё один — с двумя родинками под правым глазом. Он ведёт себя с Мин Чжаолинем как закадычный друг, так что наверняка это тот самый разыскиваемый Цзюнь Чаомань. Он стоял сразу перед тремя опасными людьми. Любая заминка стала бы равносильна самоубийству.

— Заголовок новостей от тридцатого числа гласил: [В связи с участвовавшими случаями исчезновений в шестом жилом комплексе, множество жителей начали покидать район, срочно распродаются квартиры в шестом комплексе]. — сообщил Люй Цинмин.

— Больше ничего не знаю. Телевизор без звука.

Он даже не попытался осторожно спросить: «Но вы, наверное, тоже это знаете?»

Чересчур умный умник.

На самом деле Лу Хуэю было всё равно, с кем обмениваться информацией — даже если собеседник ничего не мог дать взамен, он всё равно рассказывал всё известное, все догадки и предположения.

Потому что надеялся на то, чтоб выжил хоть кто-нибудь.

Просто с умными людьми обмениваться информацией особенно приятно.

Это трудно описать, просто накатывает странное облегчение.

Лу Хуэй кратко изложил всё, что знал сам, и подтвердил некоторые сомнения Люй Цинмина, после чего спросил:

— Вы разбирали часы?

Люй Цинмин опешил:

— ...Нам это даже в голову не пришло. А там что-то есть?

Поскольку Лу Хуэй поделился информацией, он спросил прямо.

Лу Хуэй кивнул:

— Ключ.

И вытащил из кармана только что извлечённый ключ:

— Ключ от всячего замка.

— ...Но в этом инстансе мы не видели всячих замков.

Люй Цинмина озарило понимание:

— Значит, в какой-то из дат квартира будет отличаться?

Лу Хуэй щёлкнул пальцами:

— Вот почему мы с Мин Чжаолинем, попав в новое место, сразу начинаем всё переворачивать вверх дном.

Люй Цинмин замер, машинально глянув на Мин Чжаолия.

Тот стоял за спиной Лу Хуэя, скрестив руки на груди. Высокий, с мощной фигурой — даже боевая форма не скрывала скрытой в нём силы. Всем своим видом он излучал давление и опасность.

Стоило ему взглянуть — и Мин Чжаолинь это почувствовал, скользнув по нему взглядом. Люй Цинмин поспешно отвёл глаза, чувствуя, как колотится сердце:

— ...Так нам начать обыскивать или...

Он уже понял, что даже свирепый Мин Чжаолинь, кажется, признавал «Цзюнь Чаоманя» своим лидером. Учитывая, что «Цзюнь Чаоманя» разыскивают, а он сейчас спокойно стоит перед ним и ведёт диалог... да ещё и то, как они стояли... не слишком ли близко? Обычно друзья, если места достаточно, не стоят настолько близко, чтобы соприкоснуться от малейшего движения. Тем более что Мин Чжаолинь больше всего на свете ненавидит прикосновения.

В голове Люй Цинмина царила полная неразбериха, но внешне он сохранял абсолютное спокойствие и ждал указаний Лу Хуэя.

Лу Хуэй немного подумав:

— Сначала посмотрим, кто напротив.

Он искренне надеялся, что там не тупые товарищи.

Хорошая новость: действительно не тупые.

Плохая новость: и не какие-то мастера.

Они не знали друг друга, но благо узнали своих. Под рубящими ударами Мин Чжаолия шестеро согласились на разговор.

Двое из них явно побаивались Мин Чжаолия, но всё же держались — по крайней мере, не пугались до потери сознания:

— Соблюдайте два правила, иначе нашему не очень терпеливому Мин Чжаолию придётся для удобства выбрать путь убийства.

Двое игроков прижались друг к другу и судорожно закивали.

Мин Чжаолия: «?»

Ему уже хотелось спросить Лу Хуэя, что значит это «нашему» — слово звучало отвратительно, вызывая мурашки по коже и лёгкое отвращение. Неужели это месть за то, что тот снова притворился двойником в начале?

Мин Чжаолия тихо хмыкнул. Но в его голосе не слышалось злости — скорее что-то... приятное?

Лу Хуэй, услышав этот смешок, понял, что если сейчас не заговорит, начнётся спор, поэтому быстро произнёс:

— Во-первых, ничего не скрывайте, выкладывайте всё, что видели. Во-вторых, без моего разрешения не разбивать зеркала и не будить этих четверых.

Двое игроков снова закивали.

Лу Хуэй посмотрел на четверых оглушённых и спросил Мин Чжаолия:

— Сколько действует твой удар? До завтра хватит?

Мин Чжаолинь небрежно:

— Убить надёжнее.

Лу Хуэй: «.....»

Он махнул рукой:

— Заткнись, вылетаешь из чата.

Он посмотрел на Люй Цинмина:

— У тебя нет способности типа «заклинания сна»?

Люй Цинмин восхищался тем, что в мире нашёлся человек, который может так разговаривать с Мин Чжаолинем. К Лу Хуэю он стал относиться с ещё большим уважением:

— ...Моя способность не связана с этим... ничем помочь не могу.

Лу Хуэй вздохнул.

Почему он не вытянул карту «заклинание сна», которую можно использовать сто восемь раз?

Он повернулся к двум игрокам, и не успел спросить, как вдруг Мин Чжаолинь, сидевший рядом, рванул его за воротник и потянул назад, к себе.

Лу Хуэй удержал равновесие, но, оборачиваясь, недоумённо посмотрел на Мин Чжаолиня:

— «?»

Мин Чжаолинь спокойно:

— До завтра хватит.

Лу Хуэй не понял, с чего вдруг тот разозлился, но успокаивать не стал:

— Тогда ладно. Пошли, продолжаем нашу скучную работу — переворачивать всё вверх дном.

Но они снова ничего не нашли.

Поэтому им оставалось только ждать дневных новостей.

Примерно в четыре часа дня Лу Хуэй включил телевизор. На этот раз новости начались ровно в четыре. Тот же канал, та же тема исчезновений — но заголовок был другим:

[По делу об исчезновениях в шестом жилом комплексе полиция получила ключевые улики и активно ведёт расследование.]

А Мин Чжаолинь, читая по губам, передал:

— ...Завтра День защиты детей, а в шестом жилом комплексе случаи исчезновений вызывают панику. Полиция день и ночь ведёт расследование и, наконец, получила ключевые улики. Поэтому гражданам не стоит беспокоиться.

Дойдя до этого места, Мин Чжаолинь растянул губы в усмешке — и ведущий в новостях тоже растянул губы в улыбке, невероятно ослепительной:

— Надеемся, что каждый ребёнок хорошо проведёт День защиты детей.

<http://bllate.org/book/12898/1571418>